

ПИСЬМА — ПОЧТОЙ

О. М. Мительман (Санкт-Петербург) — М. И. Рыскин (Москва)

О. М.

08.07.1999 г.

Дорогой Михаил Ильич, неосторожностью было с Вашей стороны предложить мне переписываться. Вы приобрели партнера с архаической тягой к эпистолярному жанру — страсть люблю писать письма. Теперь держитесь! А знаете, где я Вам пишу? Окружение прямо из Бродского:

Я сижу в своем саду, горит светильник,
Ни подруги, ни прислуги, ни знакомых.
Вместо слабых мира этого и сильных
Лишь согласное гуденье насекомых.

Сад, правда, не мой, и светильника пока не надо — белые ночи еще не ушли, но чувство то самое. И хорошо, ясно вспоминается чудный Суздаль, кроме прочего — познакомивший нас. А за ним — Москва, лет 12 не виденная.

О самом важном в трех моих московских днях. У меня давно было решено, что в Москве пойду на могилу Ю. В.¹ Очень долго мучило, что не знаю даже, где он похоронен. Потом узнала о Кунцевском, стала искать его на карте Москвы — и не нашла. Ладно я — москвичи мои тоже не нашли, хоть исползали всю карту. Решила тогда навестить его любимый Серебряный Бор.

Приехала туда, походила. Место и сейчас еще дивное, вернее — чувствуешь, что таким было: еще стоят прекрасные старые сосны, пахнет чистой водой, улицы широки, на просторных участках сохранились прежние деревянные дома. Но целое впечатление тягостное: нынешние хозяева жизни присваивают и пространство, не понимая, не ощущая его природы, уродуют местность чудовищными каменными заборами и громоздкими некрасивыми особняками. Всемерно «олукьянивают» былую красоту и простор. (Помните в «Обмене» это словечко — от фамилии «умеющих жить» родителей Лены). Грустно мне стало в убиваемом вторично Бору (в 30-е людей гробили, сейчас — природу) и пошла я, солнцем палима, к остановке. А по дороге еще раз раскрыла карту. И первое, что прыгнуло в глаза, — надпись: Кунцевское кладбище! Прямо-таки знак! Конечно, туда и поехала. А там опять маленькое чудо: ведь ничего не знаю и спросить не у кого, но меня словно вело: минут через десять увидела заметное надгробье Арбузова, а еще через несколько шагов — низенький серый камень на могиле Ю. В. Вот и дошла, через столько лет.

Оставила цветы, хотела положить сочинение моей девочки о нем (цитировала его в докладе), но как-то грубо оно смотрелось, непрошенно, убрала. Уходить не хотелось, но скамей поблизости нет, а ноги гудят, пошла потихоньку. И вышла прямиком к могиле его матери! Высокий камень, на котором и имя отца. Недалеко от Ю. В. И было у меня чувство, что все сегодня бывшее не случайно.

Ну, а после — родимый Питер, где отсыпаясь, рассказываю маме о Суздале и печатаю фотографии. Скоро пришлю их Вам.

¹ Писатель Юрий Валентинович Трифонов (1925–1981).

М. Р.

24.07.1999 г.

Дорогая Ольга Матвеевна! Здравствуйте! Огромное Вам спасибо за фото и за письмо, а особо — за Трифонова и рассказ о поездке на его могилу. Как жаль, что меня не было с Вами. Но теперь я знаю, что обязательно сделаю, как только окажусь в Москве. Я ведь каждый раз по получении свежего номера журнала с его повестью, преисполненный благодарности и счастья, испытывал страстное желание написать ему, но усилием воли останавливал себя: «Зачем?». И только увидев «Литературку» с некрологом, пожалел об этом. Да поздно!

Уже месяц с тех пор, как я имел счастье услышать Ваш доклад в Суздале. Он так тронул меня не только из-за общего пафоса (я ведь тоже исповедую самодействующую силу художественного текста, просто не догадался так выразиться), но там было «Надо ли вспоминать...», «Они пересекли его...» и другие обращения к Ю. В. Конечно, и сказанное о Бродском, и о Манделштаме, и о «Войне и мире» на уроках (Вы знаете, мой учитель литературы в школе Борис Соломонович Белов тоже читал нам «Войну и мир» на уроках, три часа подряд — без комментариев, и это было нечто!), и цитата из Исаяи — все было замечательно интересно, но о Ю. В. теперь не говорят, а для меня он так много значил.

Спасибо Вам, спасибо!

Время мое проходит в Саратове, в трудах и заботах. Отдыха не предвидится. Были большие планы на лето — дописать книжку по геофизике, подготовить новый практикум для студентов и пр. Но теперь все поплыло. Ночами вижу все время сны с опозданиями: не успеваю то на вокзал, то на самолет, то на встречу... У нас стоит страшная жара, напоминающая начало трифоновского «Старика». Всего вам доброго, буду ждать Вашего письма.

М. Р.

31.10.1999 г.

Очень сильно задержался с ответом, дорогая Ольга Матвеевна! Простите великодушно. Причиной черная полоса в частной жизни: болезни и травмы почти всех членов нашей семьи. Сейчас все потихоньку входит в свою колею. О Суздале напоминают только Ваши письма и фотографии, да вот на днях получил две книги от Т. П. Григорьевой — она сейчас в Японии, в Киото, разглядывает древние храмы.

Что слышно об издании докладов нашей конференции? Сообщите, пожалуйста.

Приближается ноябрь. Мы, даст Бог, начнем с него второй год домашнего литературного салона: жена печет пироги, приходит в гости Светочка Кекова, наш поэт, одна наша местная музыкантша, еще человека два-три, и мы читаем стихи и музицируем. А пока на Ваши культурные подвиги мне ответить нечем. Хотя с Ортега-и-Гассетом я знакомился. Ожидаю Вашей брошюры, ксероксов и прочего обещанного. Сам занят глубоким реформированием своего университетского курса геофизики, пытаюсь ввести в него нелинейные идеи и представления.

О. М.

15.02.2000 г.

Через Галю и Зою дошло до меня, дорогой Михаил Ильич, облегчающее известие, что Вы здоровы и деятельны. А то стали приходиться на ум всякие унылые допущения. Видимо, моя «ценная» — 3 руб., бандероль не добрела до Вас? Вы откликнулись бы, конечно. Погибла, жалкая, и означенная ценность не спасла, а заказным я не послала из-за очереди к окошку. Ненавижу очереди. Всю жизнь, с войны. Помню, 9-ти лет, в какой-то зимний, с пронизывающим ветром день, поклялась себе никогда не стоять в очередях после войны. И не сдержала, конечно, клятву. Зато теперь добираю, когда могу. Посланного мне не жаль, Бог с ним, только вот Вы зря ждали. И чуть-чуть я там писала о Ю. В., но это и повторить можно. И даже развернуть.

Давно собираюсь сказать Вам о моем единственном случае несогласия с ним. Точнее — сомнения в точности его рисунка, всегда бесспорного для меня. Это касается старика в «Старике» — Павла Евграфовича Летунова. Началось не с мысли, а с ощущения какой-то

неувязки, никогда прежде, да и потом трифоновские персонажи такого не вызывали. Если прояснить ощущение словом, получается: в этом герое как будто бы разные человеческие породы, несочетаемые хим. элементы. Попытаюсь объяснить.

Понятен юноша, не знающий, где правда, а где вина, как поступать в тяжелейшей критической ситуации (суд над Мигулиным). Убедительны, до спазма в горле, стариковская слабость, беспомощность, чудачество — на взгляд окружающих. Эти две колеблющиеся, текучие неопределенности согласуются между собой, это один химический состав. Старика (как ему же юношей) не хватает решимости глянуть в глаза своей вине перед Мигулиным: не поверил ему, как и все остальные, не посмел нарушить общее течение, хоть и трепыхалась внутри догадка-чутье: не враг Мигулин, свой!

Подписал вместе со всеми приговор ему — смертный, и память об этом жжет, мучает, не дает покоя и сегодня. Да, говорит себе старик, я тоже верил (в вину Мигулина), *«но не так как все!»* (У Трифонова здесь разрядка). Но не помогает, совесть скребет, и Ася напинает: «Ты же верил в его вину...» И он добивается, напрягая оставшиеся силы: «Скажи, куда он вел корпус, чего хотел?» — ищет, когда уже все прояснено — временем, документами, судьбой Мигулина. Зачем? Чтобы ответить на упрек: — «Ты все же верил» (это его слова). И это понятно, все тот же хим. состав: правда о себе виноватом рушит самооценку, самоуважение, губит. Но тут же, рядом, звучит другой голос — и он принадлежит тому же человеку! «Если виноват, арестуйте и судите!» — Готовность идти в тюрьму ради честного имени и справедливости. Знание, как получают имя Петр. Подлинное достоинство: «Я никому не служил и не ждал никакой благодарности». Понимание высоты исторического порыва: — «Мало нас, кто побывал в тех небесах» — и трагической его необеспеченности: «мало нас...». Твердая нравственная основа, не смятая одиночеством и старческой слабостью.

Нет, это не тот человек, который станет играть в прятки с самим собой, стучать в открытую дверь, уклоняться от колючих фактов, лишь бы не посмотреть себе в лицо. Эта порода умела за себя отвечать и себя судить. Ведь он у Ю. Т. взыскует истины — какой же? «Видишь, Ася, видите все: я не виноват!» Этой? Ну нет. А получается так. Вот мне и кажется, что в Павле Евграфовиче у Ю. В. сплывались свойства обыкновенного, рядового (честного) человека эпохи (чей путь определен потоком) и черты «особенной» редкой породы, к которой принадлежит, например, Шура из той же повести (кто способен видеть, что будет завтра). Трифонов — в отличие от нынешних нигилистов-отрицателей революционного прошлого огулом — знал, что такие люди были, и цену им знал. Помните замечательную старуху из «Времени и места»? Парализованную, немую, все понимающую, среди мало что понимающих родных, рядом с нею — незрелых каких-то, незрелых. Помните «Отблеск костра»?

Таким был его отец. «...И писал о том, что видел, как всегда, сумрачно и самостоятельно, что, как всегда, было не нужно». Таких было совсем мало («мало их, но они теин в чаю, букет в благородном вине...»), их всегда слишком мало, и поэтому большая часть человечества все время побеждает лучшую, — не помню, кто так метко пошутил. Вот что рождает ощущение двоящегося облика старика. Не будь он *стариком*, так пронзительно написанным в 70-летней своей слабости, шов был бы заметнее, а так — я знала еще лишь двух людей, ощутивших здесь спайку.

Что на все это скажете Вы? Очень жду ответа.

М. Р.

26.04.2000 г.

Дорогая Ольга Матвеевна!

Вы наверное уже махнули на меня рукой — в смысле (как теперь выражаются — типа) получить от меня ответ. Признаю свою несостоятельность. А сейчас, как водится, начнутся оправдания — почему.

А все потому, что живу исключительно насыщенной, нет — пересыщенной жизнью. Тут был и приезд Галины Юрьевны, и всевозможные «чтения», и конференции — геологическая и Соросовская образовательная, и физ-мат. игры в нашем Лицее, и, наконец, праздник поэзии «От жажды умираю над ручьем» (баллада бессмертна). А впереди завершение, которое, надеюсь, наступит 5 мая: ностальгический вечер с музыкой, вернисажем и стихами — «Физики и лирики: разрешение спора».

Скоро Первомай! Поздравляю Вас с этим праздником, который сидит у нас в крови. Обязательно выпью за Ваше здоровье, за новые встречи, за Суздаль.

Не помню, писал ли Вам, что прочел публикацию О. Р. Трифоновой в «Дружбе народов» — из дневников и рабочих тетрадей Ю. В. А после того — в который раз — «Другую жизнь». И был счастлив. В том же номере — заметки Н. Н. Моисеева. Провожая Г. Ю., рассказал ей об этой статье. А на следующий день — сообщение о его смерти. Как попрощались. Светочка считает, что такие совпадения не случайны. Она вспоминает высказывание Ф. Степуна: «Случай есть атеистический псевдоним чуда».

О старике Летунове. Наверное все, что Вы пишете о породе, правильно. «Есть кони для войны и для парада, в литературе тоже есть породы...» Но про несовместимость пластов — не знаю. Мне кажется, здесь разрыва нет. Ведь почти каждый человек так: живет, думает о жизни, о том, что будет, и не слышит «будущего зов».

Я ловлю в далеком отголоске
Что случится на моем веку...

Не ловит. Все слепые, как у Брейгеля. Помните, в «Нетерпении»: нетерпимость ведет к слепоте. В «Старике» Шура говорит: «Почему же вы не видите, несчастные дураки, что будет завтра?» И Павел такой же. Да еще молодой, «сразу поверил». А вдобавок — «в потоке», попробуй не поверь. Но сознание-то у него есть, сомнения были. И то слава Богу!

Старик. Тот, кто связывает прошлое с настоящим. Прошлое настоящего и настоящее будущего. Кто осуществляет связь времен. Почему в «Гамлете» распалась связь времен? У Светланы Кековой:

Мы знаем, что распалась связь времен,
Разрушен город, Иоанн пленен,
Тебе, отец мой, дом подземный вырыт...

Нет носителя, нет отца, нет старика. И Гамлет медлит. А теперь клубок разматывается, нить восстанавливается. «Дней связующая нить».

Насущное уходит вдаль, а давность
Приблизившись, приобретает явность.

Ну, все. Надо спешить на лекции. Всего доброго!

О. М.

08.03.2001

Получила как раз «ко Христову дню» поздравление от Вас, спасибо! С огорчением поняла, что вы моего «оказионного» письма не получили. Жаль. Оно было на программке замечательного спектакля и о нем рассказывало — по «Сну смешного человека» Достоевского с Мозговым в главной (и единственной) роли. Я уже перетаскала все свои классы и всех знакомых на него, приезжайте, сведу и Вас в эту мансарду «достоевского» дома, где его ставят в комнатке, вмещающей всего 18 зрителей.

Еще я спрашивала Вас в том письме, знаете ли о музее Дома на набережной — да, да, в том самом, трифоновском. А директором музея — Ольга Романовна Трифонова, жена. Я попала на конец какой-то телепередачи, как раз на момент ее короткого выступления, так и узнала. Теперь нам с Вами надо туда пойти, когда будем в Москве. А в «Знамени» видели

материалы международной конференции по творчеству Ю. В.? Говорят, полный сборник докладов вышел в Екатеринбурге, но тиражом — триста экземпляров! Попробуй, достань... Но как это хорошо — сам факт, и глубина выступлений, и их сердечная заинтересованность, как я рада! Праздник для всех «трифоновцев».

Мой любимый класс, который веду с 6-го, радуется по-прежнему отзывчивостью на все значимое и отсутствием прагматизма. Т. е., конечно, они готовятся к поступлениям, бегают на курсы при институтах, весьма заняты, но стоит лишь кликнуть куда-то на что-то стоящее, отзываются мгновенно. Повезло мне: шесть лет созвучия и понимания. Подарок. «Сон смешного...» и Мозговой их потрясли. «Я не только не видела ничего подобного, но не знала, что такое бывает». А внук мой спросил после спектакля: «Скажи, Достоевский в Бога верил?» — «Ты слышал его голос два часа, ответь сам». — «По-моему, он очень хотел, старался... Ему не хватило силы». — «Какой силы?» — «Поверить». Оцените мощь спектакля и актера, если 11-летний ребенок такое понял. Это я Вас на приезд соблазняя! До встречи!

М. Р.

13.08.2001 г.

Несказанно был рад Вашему письму и что Вы не осердились за мое молчание. Замечательно, что Вы сейчас у залива под серо-синим небом, что слушаете Малера, смотрите Занусси, читаете Аверинцева и пр. К сожалению, у меня сейчас совсем иной способ существования: ежедневная работа по договору с одной производственной организацией. Сил хватает только на нее и на садово-хозяйственную суегу. В электричке по дороге на дачу и обратно читаю «Сэра» и тороплюсь дочитать, чтобы погрузиться в Лотмана и Пригожина, купил себе на день рождения «Семиосферу».

Светочка Кекова написала новые стихи, среди них чудная «Бабочка летит» для «Нового Мира». Таковы «крупнейшие события» повседневной жизни. Привет всем знакомым. Спасибо.

М. Р.

07.2001 г.

Вы спрашиваете, с чего у меня начался «роман» с Трифоновым? Еще в школьные годы я прочел «Студентов», тогда все взрослые только о них и говорили. То есть они, может быть, говорили и о других «вещах» — о «Кавалере Золотой звезды» или «От всего сердца», но я запомнил только Трифонова и уже это имя не забывал, все ждал чего-то нового. Наконец, дождался «Утоления жажды», но оно «не произвело», хотя кое-что запомнилось. Позже — рассказы в «Новом Мире», затронули, но не «перевернули». А потом грянул «Обмен». Он потряс, он воспринимался, как о себе, хотя подобных коллизий в моей биографии не было. Но ситуации «обмена» возникали все время. И эта фраза матери Дмитриева: «Ты уже давно обменялся» — врезалась.

И я стал ждать, жил от одной повести до другой в непрерывном и нетерпеливом ожидании. «Предварительные итоги»: Нюра, домработница. У нас домработницы не было, но была тетя Мила, перед которой до сих пор чувствую свою вину — и никому этого не объяснишь, и сам до конца не понимаю, в чем моя вина, но все равно скребет. Затем «Долгое прощание»: сирень — «мясо», здесь уже преуспевающий литератор Ребров, пробавляющийся какой-то по большому счету халтурой (сценарии, еще что-то), вместо того трепетного Гриши Реброва, пытавшегося осмыслить ход истории, терзаемого раздумьями, сомнениями... Сирень в прошлом, а теперь — «мясо». И Ляля — какой-то тренер, какая-то обыденщина. Конечно, приспособились, выжили, но какие утраты. Как жаль. Какие были, как много обещали. И что стало.

Наконец, совершенно потрясающая «Другая жизнь». «Жизнь состоит из прикосновений, потому что — тысячи нитей, и все выдираются из живого, из раны. Вначале думала: когда все нити, самые тончайшие, прервутся, тогда наступит покой. Но теперь казалось, что

этого никогда не будет, потому что нитей бесчисленно... все, все что есть в мире, нитью связано с ним. Разве хватит жизни?»

Каждая новая его вещь содержала нечто, что давало силы для жизни. «Укрепи мою волю И душу мою укрепи...» Когда появилась «Жить не по лжи» Солженицына, я понял, что это для меня. Но это был лозунг, призыв, дидактика. А в повестях Трифонова была эта жизнь не по лжи. Потому я так ждал их. Их появление было счастье, ни с чем не сопоставимое. Прочитывались сначала залпом, сразу, без отрыва. Потом еще — по кусочкам, по абзацам, по мыслям наперечет.

О. М.

01.08.2001 г.

И не правда ли, когда после невольных пауз в чтении его вещей (книги-то библиотечные, журналы тоже, помните, каково в те годы было их достать?) снова открываешь, чтобы перечитать, всякий раз — изумление: как, это все в одном только абзаце? в трех фразах? — а в моем припоминании оно по густоте равно страницам! Поразительный объем содержания в единице текста! Проза, как сжатая пружина, распрямляется уже в тебе, заполняет твое внутреннее пространство, начинает в тебе жить, не отпускает ни сразу, ни после. «И это все в меня запало и лишь потом во мне очнулось», — обретением, поступком или, наоборот, воздержанием от него.

Я очень многим обязана Ю. В., наверное, большим, чем сознаю. Он был опорой, а временами — без преувеличения — глотком кислорода в безвоздушие. (В «Хронике жизни и творчества Трифонова» прочла фразу Ю. Черниченко в письме к Ю. В.: «Спасибо за маску с кислородом». Многим он был «скорой помощью», только замедленного действия).

И главное: его книги крепили размываемую (десятилетиями!) почву нравственного сознания. Они обнажали эти удобенькие: ничего страшного, можно и так, будьте реалистами, се ля ви, как все, так и мы, — и обнаруживали за этим неременное, хоть малое, предательство, безрадостность результата и пустоту. Как у Дмитриева в «Обмене». Или у детей старика. Или в истории с Нюрой, о которой Вы написали. Ю. В. хранил уже почти утраченную шкалу ценностей, он держал планку высокой требовательности, прежде всего к самому себе, и это держало нас. И держит до сих пор. Хорошо читать об Антипове, когда становиться тошно, — человек, как мы, не герой без страха и упрека, и суетен бывает, и грешен. Но какая нравственная точность решения всякий раз в моменты жесткого, а то и грозного выбора! И какая при этом естественность поступка, словно и невозможно иначе, и никаких при том «разъяснений» и любования своей доблестью. Трифонов сам такой. Сын Антипы.

Вы помните, я говорила в суздальском докладе, что за этим именем, вразрядку напечатанном в тексте (знак читателю: заметить!). Помните? Откровение Иоанна Богослова, 2, 13. «И не отрекся от веры Моей даже в те дни, в которые у вас, где живет Сатана, умерщвлен свидетель Мой Антипа». И Трифонов не отрекся, живя во время и в месте сатаны и последней его. Потому и «остальное не имеет значения».

М. Р.

01.2002 г.

Здравствуйте, дорогая Ольга Матвеевна!

О Вашем горе узнал еще в Москве. Очень Вам соболезную, сочувствую...

В Москве был двое суток, встречался с Г. Ю. и З. Е. Говорили о будущем Суздале. У меня совсем туго со временем, но в Москве понял, что отказ невозможен. Теперь думаем о программе поэтического вечера — предполагается, что поедет и Светочка Кекова. Кажется, уже писал, что в начале марта рассчитываю побывать в Питере. Надеюсь, мы увидимся, и что-то обсудим.

Когда будет, если еще не прошел, вечер Ленинградской симфонии в Большом зале филармонии, для которого Вы писали такой серьезный сценарий? Я точно знаю, что сценарий

удастся, так что Вы, пожалуйста, не волнуйтесь. Всего Вам хорошего, здоровья Вашим близким.

О. М.

06.03.2002 г.

Как распушился Ваш гиацинт, дорогой Михаил Ильич! И пахнет изо всех сил. До чего красив. Зоя после Вашего отъезда долго совестилась, что в Вашу бытность у нее «приставала с Суздаем, как будто кроме Суздаля нет жизни». Но мне не показалось, что разговор был Вам тяжел, по-моему, наоборот, и, кажется, она наконец мне поверила.

Очень рада была видеть Вас и надеюсь увидеться не накоротке в любимом Суздале.

О. М.

14.07.2002 г. Бастилия взята!

Здравствуйте, Михаил Ильич! Как здоровье? Хорошо ли доехали? Я вернулась давно, проводила внука в деревню и... отсыпалась несколько дней после Москвы и особенно Суздаля, где за 5 суток спала едва ли 20 часов.

Москва плавилась от жары, но все же я показала внуку Малую Дмитровку и окрестные переулки, Кремль, все главные площади, университет и, конечно, Дом на набережной и его музей — пока совсем небольшой, с витриной Ю. В., гениального мальчика Левы Федотова (помните его под разными именами в «Доме...» и в «Исчезновении») и Смушкевича. И со списком репрессированных жильцов дома — 700 человек! А еще мы увидели Ольгу Романовну и перемолвились с ней. Она даже вышла с нами на жару, с которой только приехала, да постояв в пробке, — чтобы показать нам окна квартиры Трифоновых. Мы все фотографировали — и подъезд, и лестницу, и двory этого огромного дома, и портрет Ю. В. в подъезде, а вот О. Р. снять забыли! Растяпы. Обидно, она так нам понравилась. Ну, авось, увидимся еще. Краткий отчет дан, фото пришлю позже. Не исчезайте надолго!

Посылаю выписку из суздальского дневника Ильи, он вел вечерние записи, пока хватило сил, тоже не досыпал, разрываемый впечатлениями, вполне новыми для него. Тут и про Вас.

«Сегодня открылась конференция. Первый доклад был о Суздале, очень интересно, только второй докладчик дико волновался, а первый нет (Игорь Витальевич Арзамасцев). Второй доклад В. А. Копчика «Проблемы эволюции худож. культуры», тоже интересная тема и доклад, но Копчик уж очень говорит медленно, поэтому слушать трудновато. 3-й доклад — блестящая Зоя Журавлева кружит свой «полет шмеля» о языке, большой успех — интересная тема, умный и умеющий говорить человек, а что еще надо? Четвертый мне совсем не понравился. Потом мы пошли гулять, точнее — я гулял один вокруг гостиницы, слушая на плеере музыку Паганини и любясь блестящими на солнце куполами. Обедали в кафе, там дешево. Затем был приятный и удачный музыкально-поэтический вечер. Михаил Ильич читал стихи Светланы Кековой, которые мне очень понравились, и других поэтов, а Татьяна Кан играла на фортепьяно классику. После вечера и всяческих поздравлений М. И. и Т. К. я был польщен, услышав, что Т. Кан даст мне несколько советов по флейте, только завтра. Затем опять прогулка и тусовка всех героев дня, опять интересные разговоры, шутки, вкусная еда, и все очень довольны. Так прошел первый день Суздальской конференции.»

Не хуже были и прочие. Обнимаю Вас.

М. Р.

11.2002 г.

Ваш вопрос о взаимоотношениях Трифонова с историей труден. Ведь у Ю. В. все-все есть время, история. «Все вещи несут в себе инь (обволакиваются им), пронцаемы ян (буквально — обнимают ян)», — я цитирую свои записи по книге Татьяны Петровны Григорьевой о встрече двух культур, она в этом месте уточняет перевод ключевого фрагмента из «Дао-дэ-цзина» и говорит, что дальше надо не: «все существа наполнены ци» — ничто ни-

чем не наполняется, а — все есть ци. Поэтому я не принимаю определения Р. Шредера «Роман с историей», которое вежливый Ю. В., кажется, принял. По-моему, вернее не «роман с историей», а жизнь в истории. В том смысле, как в стихотворении Коржавина о Пушкине:

Да! Жизнь — мгновенье, и она же — вечность.
Она уйдет в века, а ты умрешь.
И надо сразу жить и в бесконечном,
И в том, в чем ты сейчас живешь.

Роман сознания, как он сам называл найденную им форму повествования, не может разворачиваться вне времени. Работа сознания как раз и состоит в распутывании тех самых нитей, которых «бессчетно» и которые переплелись так, что трудно найти начала и концы (это мучительно пытается сделать старик Летунов). Может быть, некстати, но у меня ассоциация возникает — со стихотворением Окуджавы «Как научиться рисовать»:

...Перемешай эти краски, как страсти,
в сердце своем, а потом
перемешай эти страсти и сердце
с небом, землей, а потом...
Главное — это гореть и, сгорая,
Не сокрушаться о том.
Может, тебя и осудят сначала,
Но не забудут потом.

Трифонова не забудут. Тому сейчас есть немало свидетельств. Когда началось это бытие во времени и истории в его книгах? В полной мере в «Другой жизни» и особенно в «Нетерпении» и «Старике». Но еще в «Долгом прощании» этот взгляд из истории, эта единица измерения в одну жизнь есть, не правда ли? Уже в прологе: сирень — мясо. В «Обмене» есть предвестники, но все-таки поворот в «Другой жизни». Там уже Сергей Троицкий историк как таковой. Но во всех повестях — обязательно память как синоним существования, жизни. Беспмятство — это отсутствие жизни. Безвремяе. Бродский в «Профиле Клио» все подчеркивает однократность бытия во временном измерении, а Давид Самойлов — напротив:

Но в памяти моей такая скрыта мощь,
Что возвращает образы и множит...

И в конце концов становиться исторической. И если хочешь узнать, как жили люди, понять ход истории, связь времен, читай не учебники, а «Пушкина твердую повесть, Чехова честный рассказ», читай «Анну Каренину», читай повести Трифонова — это уже про наше с Вами время.

Помнится, Трифонова много ругали как бытописателя, а ведь и в быте этом — тоже время, история. Из стихотворения Светочки Кековой:

Прорисовано время, как почерк с нажимом,
На различных предметах...

Он-то все это отлично чувствовал, а глупые критики — нет. Обостренное чувство времени позволяет улавливать «будущего зов». За много лет до распространения терроризма Трифонов думал и писал о бессмысленности террора — в «Нетерпении», в заметках из дневника (опубликованы О. Р.). Еще пример — книга Киянова («Время и место») называется «Звезда-полынь». А через несколько лет была «натуральная» звезда-полынь — Чернобыль!

Почему он взял именно это апокалиптическое название?

И еще я хотел сказать не об истории, времени, памяти, а о поэзии. Помните, в 99-м году в «Знамени» были опубликованы материалы трифоновских чтений, очень интересная подборка — и участниками, и оценкой творчества Ю. В. И вот текст Татьяны Бек был назван

«Проза Трифонова как инобытие поэзии». Название поразило сразу — своей точностью. Я затрудняюсь определить, в чем именно дело, говорю на уровне чувства, не разума, но пока хочу сказать Вам только о «Времени и месте», недавно перечитал. Вся композиция романа — отдельные фрагменты с пробелами — из Пастернака: «И надо оставлять пробелы в судьбе, а не среди бумаг, места и главы жизни целой отчеркивая на полях».

А конец главы, где Антипова несут по лестнице в больницу и он видит в окне отсветы города и чувствует благодарность к жизни, — прямая переключка со стихотворением «В больнице»:

Тогда он взглянул благодарно
в окно, за которым стена
была точно искрой пожарной
из города озарена...
Там в зареве рдела застава,
и в отсветах города клен
отвешивал веткой корявой
больному прощальный поклон...

Чувствую, что пишу сумбурно, что сказанное невнятно, но я очень рассчитываю, что Вы все поймете. Да никаких доказательств и не нужно — «просто он существовал, и все тут».

О. М.

12.2. 002 г.

Да, Михаил Ильич, определение «роман с историей», при всем уважении к Ральфу Шредеру, не ложится и в мое ощущение их взаимоотношений — Ю. В. и истории. Романы, конечно, бывают очень серьезные, но, как свидетельствует авторитетное лицо — трудно доставшаяся любимая жена, — никакой роман не мог быть для него весомее, важнее работы писания. А плотью его вещей, их смыслом, главным узлом, который он упорно развязывал, и была история. Тихо горжусь, что говорила об этом в лекциях до статьи Шредера (я когда-то с увлечением подвизалась в обществе «Знание»). В своей лекционной тетрадке прочла: «Главная тема и боль Трифонова — судьба революции». Об этом и ему писала в не дошедшем с оказией письме, посылать почтой было нельзя: больно уж нелестно там оценивался наш «развитой социализм», что для работника идеологического фронта, сами понимаете, было недопустимо. Это 1980 год, никто не думал тогда, что через 5 лет льдина начнет трещать. И он не думал: «Этот труп будет гнить долго».

Только мне кажется, что говорить о «повороте к бытию в истории» начиная с «Другой жизни» — поздно. Уже в маленьком рассказе из сборника «Тарусские страницы», (помните? 1961 год) дышит история, хотя там ни быта, ни сюжета — крошечная зарисовка душной южной ночи, случайная встреча со случайно занесенным в Ашхабад испанцем. И вспышка горячей памяти детства — война, Мадрид, генерал Лукач — в далеком чужом городе, под огромным звездным азиатским небом, — и рассказ сразу обретает центр и смысл.

Говорю по памяти, с давних пор не перечитывала, но осталось острое впечатление страстного порыва в этом месте — к истинному (для пишущего). Тогда он еще говорил об истории напрямую, еще не обрел своего замечательного умения впечатывать дух и материю эпохи в подробности быта, в реплику, в деталь — во всю ткань текста. Наталья Иванова (Вы хвалили ее книгу о Ю. В.) назвала его детали метафизическими — по-моему, точно. Потому для меня «Обмен» не предвестие трифоновского историзма, а полный яркий портрет исторического времени. Не менее объемный, чем в «Старике». Вспомнить хотя бы «квартирную» сосредоточенность героев, одних — на обмене, других — на домишке Аграфены, и готовность ради «площади» шагнуть через чувства близких, о дальних и речи нет, они вовсе не в счет.

Это «олукьянивание» жизни. Неизбежный итог происшедшего в истории «обмена» и *исчезновения* (ключевое у Трифонова слово): «Таких людей больше нет, время пережгло их».

дотла». И «таких идей» больше нет, и никаких нет, а есть «мелкие пожизненные хлопоты по добыче славы и денег» и есть Кандауровы с их: «Хочу все!» — Разве не портрет эпохи «благолепия» после генеральных чисток (сейчас сказали бы — зачисток)?

Ю. В. писал где-то: слово «история» у древних греков значило — расследование, вот я и расследую... — дальше не помню, как у него, но точно было — найти корни. Он хорошо их открыл: и сегодняшнее объясняют.

М. Р.

23.06.2003 г.

А Вы помните, как мы познакомились? Это было давно, но в Лету не кануло — память спасает, совсем по-трифоновски. Суздаль-99, да, так! Я подошел к Вам после Вашего выступления. Оно было замечательным, но главное — там был Трифонов. И концовка была такая: «Москва окружает их как лес. Они пересекли его. Остальное не имеет значения». Если я что-то переврал, так очень незначительно, потому что это врубилось при чтении сразу и на всю жизнь: «остальное не имеет значения». Главное — остаться людьми. Не озвереть. И я был так счастлив, что есть еще кто-то, для кого это так важно. И горло перехватило, и глаза пришлось утирать. И, конечно же, я побежал к Вам. И уже, стало быть, четыре года эта трифоновская нить нас связывает. И хотя «нитей бесчисленно», все равно эта оказалась крепкой.

О. М.

04.07.2003 г.

«Мы одной крови — ты и я», а вернее — одного духа, — вот что ощущаешь и празднуешь в таких встречах, как наша. Редкая радость, тем она ценнее. А видите Вы, М. И., как явственно расширился наш «трифоновский» круг? Четыре года назад я взяла в свой доклад слова Ю. В., чтобы напомнить о нем, внутри болело: не переиздают, не упоминают, словно и не было этого явления классики в современности (я убеждена, он — классика). Этого голоса совести и памяти, мужества, достоинства, утвержденных и собственной горькой судьбой. А теперь, смотрите, и «Хроника» шитовская, так любовно, бережно собранная, и конференция, ему посвященная, и публикации — не только верной О. Р., и переиздания, и будет еще многое, я уверена. Нет, «не напрасно». «Все сбылось» (помните, откуда это?). И таких, как мы, любящих его высоко и по-живому, тоже ой сколько. Мы с вами, вы с нами, хоть нет нас в колоннах, так получается.

Меня как-то спросил внук, за что я так люблю Ю. В. (портрет висит, имя всплывает то и дело, книги в ходу. Помните: «Мама, почему ты все время читаешь Антипова?»). Что сказала мальчику, не помню, а про себя перебрала, как четки, фразы, врубившиеся с первого чтения, «формулы Трифонова» в моем ощущении его: «Презрение — это глупость. Не нужно никого презирать». «Все изменилось на том берегу. Все олухьянилось». «Люди болеют, умирают, и помочь не может никто. Но помогать надо». «Жил обыкновенно, как все, из последних сил». Это ведь про маму мою, ее сестер, их друзей, наших соседей — про всех рядовых истории, на кого навалился непомерный двадцатый век! — «Таких людей больше нет. Время пережгло их дотла».

И, конечно, наше с Вами (и со множеством других неизвестных людей): «Москва шумит вокруг нас, как лес. Мы пересекли его. Остальное не имеет значения»... А про «шляпы одного размера», которые мы с Зоей так любим, — тоже ведь формула: нравственного состояния общества, жива и ныне, и присно. А разговор Реброва с завлитом театра, в лихую для обоих минуту, — о чем он? О цельности бытия, о том, что история страны — это слитность, «все вместе»: народовольцы, Клеточников, Третье отделение, Ермолова в пьесе Островского, Музиль — все рядом. «Многожильный провод», из коего все время тянут одну какую-нибудь жилу и выдают за истину. И какая правда в том, что говорят об этом люди, над которыми туча: потеря работы, выселение, потеря близких... Герой у Достоевского в «Крот-

кой» пленился юной девушкой, на краю стоящей, но просветлевшей от высокой мысли Гете, и тут же решил взять ее в жены. И не ошибся. А нашей критике все положительных типов не хватало у Трифонова. Не тот сорт, что его герои, у нас ходил в положительных.

Ю. В. умел чувствовать мир как целое. Мне запомнился его ответ «Комсомольской правде», молодежной странице. Какие люди нужны человечеству? — спрашивали там каждого гостя. Он ответил: «Человечеству нужны все люди». Сколько помню, столь чеканно и строго не ответил никто из многих достойных собеседников. Дело, думаю, в продуманности прожитого и осмысленного. Здесь не «гуманность», а мировоззрение — холизм. Вы согласны?

Я еще его за юмор люблю. Неброский, но настоящий. И за умную иронию. Помните притчу о крысе Фене в «Старике»? То есть это я говорю — притча, Ю. В. на такое не претендовал, но написал что-то очень вроде. Помните? Петроград перед самой революцией, февральской, замечательная школа, где все решают общим голосованием еще в домитинговую пору, и кипение споров вокруг принесенной для анатомирования живой крысы. Одни кричат: резать, польза образованию! Другие: не дадим убивать живое существо! Жалко! Взбаламучена вся школа. Поминают историю, коммуны, великие цели, что неуклонно требуют жертв. Но жертвы на это не согласны! А вы спросите у крысы! А вы пользуетесь ее немотой! Решающим оказывается обстоятельство, что у крысы есть имя. Она индивидуальность! — Голосуют все, и крыса помилована! Торжественно открывают клетку во дворе, Феня на воле, но тут ее, зазевавшуюся, хватает пробегающий мимо кот...

Ведь вполне тянет на притчу, верно? Или на синергетическую модель исторического процесса (этапа): хаотическое брожение, приближение к точке бифуркации, роль малой флуктуации в выборе пути — и победительное появление аттрактора в лице пробеглого кота, удостоверяющее наличие неучтенных, незамеченных течений и сил. А? Если же без категорий и «обобщений», какая прелесть, правда?

Расписалась я, пора и честь знать. Буду ждать Вашего отклика на эти в шутку и всерьез. До новой встречи!